

Смыслы и ценности.
Философская рефлексия

**Смысложизненная рефлексия:
российско-казахстанский диалог**

С.Ю. Колчигин

*Институт философии, политологии и религиоведения
Министерства образования и науки Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан*

Т.Г. Лешкевич

*Академия психологии и педагогики,
Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-139-159

Философская дискуссия

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики смысложизненной рефлексии и построена в форме диалога представителей казахстанского и российского философского сообщества. Авторы затрагивают цивилизационный контекст смысложизненной проблематики, выделяют эстетический, этический и аксиологический вектор смысложизненных исканий с опорой на историко-философскую традицию. Этот методологический подход позволяет сфокусировать внимание на модели «детерминации будущим». При этом Т.Г. Лешкевич особое внимание уделяет проблеме амбивалентности смысложизненной рефлексии, а С.Ю. Колчигин – необходимости духовного роста, развития сакрально-нравственного начала. Используя российский и казахстанский материал, авторы подчеркивают привязанность обсуждаемой проблемы к ее носителю, субъекту, анализируют типичные характеристики субъектности XXI в., показывают, что нравственный выбор конституирует «тип саморегуляции». Отмечается близость цивилизационных кодов России и Казахстана и делается общий вывод, что смысложизненная рефлексия должна привносить целевые и ценностные ориентиры в жизненные стратегии современников. Смысл жизни должен соотноситься с возобладанием разума и подтверждением того, что человек поистине есть Homo sapiens.

Ключевые слова: смысл жизни, рефлексия, ценностные ориентиры, амбивалентность, детерминация будущим, субъектность, нравственный выбор, долг, цивилизационные коды, интеграция.

Колчигин Сергей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан.

skolchigin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6902-2046>

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор, профессор Академии психологии и педагогики, Южный Федеральный университет.

leshkevicht@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8623-3854>

Для цитирования: Колчигин С.Ю., Лешкевич Т.Г. Смысложизненная рефлексия: российско-казахстанский диалог // Философские науки. 2019. Т. 62. № 8. С. 139–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-139-159

The Meaning-of-Life Reflection: A Russian-Kazakhstan Dialogue

S.Y. Kolchigin

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies, Almaty, Kazakhstan

T.G. Leshkevich

Academy of Psychology and Pedagogic, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-139-159

Philosophical discussion

Abstract

The authors discuss the specificity of the meaning-of-life reflection. The article is composed as the dialogue between Kazakhstan and Russian philosophers. The authors consider civilization context of the problem of life meaning as well as aesthetic, ethic and axiological aspects of the meaning-of-life searches, paying attention to the history of philosophy. This methodological approach implies the “determination by the future” model.

T.G. Leshkevich pays special attention to the problem of ambivalence of meaning-of-life reflection, and S.Y. Kolchigin emphasizes the need for spiritual growth, development of the spiritual and moral principles. Taking into account the Russian and Kazakh material, the authors analyze the typical characteristics of the subjectivity of the 21st century and demonstrate that the moral choice constitute a special of type of self-regulation. The authors note the affinity of the civilizational codes of Russia and Kazakhstan and conclude that the meaning-of-life reflection should bring purpose and value orientations to the life strategies of contemporaries. The meaning of life has to justify human existence and testify that a man is really *Homo sapiens*.

Keywords: point of life, reflection, axiological orientations, ambivalence, determination by the future, subjectivity, moral choice, duty, civilizational codes, integration.

Sergey Y. Kolchigin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.
skolchigin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6902-2046>

Tatiana G. Leshkevich – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Academy of Psychology and Pedagogic, Southern Federal University.
leshkevicht@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8623-3854>

For citation: Kolchigin S.Y. & Leshkevich T.G. (2019) The Meaning-of-Life Reflection: A Russian-Kazakhstan Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 8, pp. 139–159.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-8-139-159

Татьяна Лешкевич: Проблема смысложизненной рефлексии остро востребована нашей «текучей» современностью и может быть отнесена к числу тех, которые пробуждают энергию, «освобождающую от умственного угнетения». Дефицит смысла – один из острейших симптомов нашего времени. Предлагаю обсудить проблему смысложизненной рефлексии, тем более что она объективно встает перед российскими и казахстанскими философами. На мой взгляд, эта проблема имеет непосредственное отношение к жизнедеятельности целых стран и государств. Иными словами, в проблеме смысложизненной рефлексии присутствует четко выраженное цивилизационное измерение. Поворот к рефлексивному

поиску смыслов человеческого существования – это своего рода сопротивление тотальному духу неопределенности, вызванное потребностью в создании более справедливых социальных институтов. Достаточно известно, что в Казахстане уделяется много внимания вопросам модернизации общественного сознания, ориентируемым на полноценное и осмысленное человеческое развитие как первостепенную задачу жизни общества.

Сергей Колчигин: Да, действительно, сейчас подчеркивается необходимость расширения сознания граждан республики на основе лучших мировых образцов, фундирования гармоничного миропонимания, отвечающего требованиям времени. Важно учиться жизни с опорой на самые высокие идеалы духовности. Все это не что иное, как стремление направить развитие Казахстана по наиболее оптимальному и нравственно ответственному пути. Эти же цели ставит, как известно, и российская сторона. Есть немало примеров, которые показывают, что Россия всерьез нацелена на решение задач подлинного развития человека, а они невозможны без постановки стратегических смысложизненных проблем. Страна должна заботиться не только о решении вопросов экономики и безопасности, но и о главной задаче, составляющей смысл и высшую цель, вдохновляющей ее на инновационное развитие.

Т. Л.: Следует также заметить, что анализ быстро меняющихся геополитических реалий современности высвечивает особую роль и миссию России, что наводит на вопросы о том, существует ли своеобразие «русского ума», «русского мира», выбора пути. Эти вопросы, по сути, захватывают масштабное ментальное пространство и сегодня приобретают особую актуальность.

С. К.: Предполагаю, что это неизбежно выводит нас на тему евразийства, и замечу, что при всей конкретности подходов к евразийству в плане не только экономического, политического, но и культурного сообщества это понятие в философском контексте до сих пор семантически неопределенно. Хотя, быть может, в неопределенности скрыт и перспективный потенциал – открытость многим возможностям интеграции культур. Характерны в этом отношении суждения В.В. Малявина. Цитирую: «Единство Евразии за пределами исторической предметности и превосходит любую культурную идентичность. Оно требует, по сути, мета-цивилизационного подхода...» [Малявин 2015, 37–38]. Какого же именно? Вероятно, нового пути развития человечества, который

не сводится ни к восточному, ни к западному, но предполагает интегративное духовно-практическое отношение человека к миру. Как отмечал видный казахстанский философ Агын Касымжанов: «Масса частных интересов дробит, расщепляет, дифференцирует мир по всем направлениям – чаще всего этническим и религиозным... Пестрому, хаотичному миру разнонаправленных интересов соответствует ярмарка мировоззренческих ориентаций, стандартов, предпочтений» [Касымжанов 2001, 109–110]. Необходимо поэтому выделить из этого плюралистического разброса мировоззрений центральное ядро, основание общенационального согласия.

В этом плане особая духовная и цивилизационная миссия России, как известно, подчеркивалась многими мыслителями. Есть традиции русской философии с ее ключевыми идеями всеединства, общинности, нравственных ценностей. И у Казахстана есть понимание и «целесолагание одухотворенного разума», гармонии сознания и души. Вся казахская традиционная мысль была ориентирована на этическую проблематику, включая, конечно же, и вопрос о поисках смысла человеческой жизни.

Т. Л.: Несомненно, все это свидетельствует об актуальности цивилизационного среза проблемы смысложизненного выбора, тем более что данная проблема имеет давнюю историю своего изучения. Мы уже отмечали ранее, что Россия как носительница «Иного», иных ценностей и смысложизненных ориентиров ставит приоритетную задачу «независимого смысложизненного выбора и обращает ее как к каждой конкретной личности, так и к нации в целом, направляя в самый затемненный уголок национального самосознания» [Лешкевич 2015]. И если публичная сфера современного существования во многом отражает энтропию социальной жизни, являясь ее своеобразным преломлением, то качественная жизненная программа, заключающая в себе энергию подлинно человеческих целеориентиров, может и должна служить фундаментальным противопоставлением.

С. К.: Полностью согласен! Россия, по-видимому, действительно призвана стать флагманом духовно-цивилизационного развития. Для этого есть немало предпосылок, необходимых ментально-психологических качеств народа, выработанных историческими испытаниями.

Т. Л.: А если обратиться к истории, то уже чаадаевский портрет России, призванной к «необъятному умственному делу»,

свидетельствовал о ее стремлении определить себя в контексте неопределенности русской жизни, промежуточного положения России как великого Востоко-Запада. Петр Чаадаев, видя в неопределенности постоянное отрицательное своеобразие России, в своих оценках беспощаден [Чаадаев 1991, 323–324]. Действительно, нелегко увидеть преимущества неопределенности, усмотреть в состоянии неопределенности лоно порождения новизны, свидетельство и основание универсальности.

С. К.: Быть неопределенным, чтобы вобрать в себя всё?

Т. Л.: На мой взгляд, не стоит застревать на оценке, данной Чаадаевым, впрочем, как и соглашаться с попытками устранения значимости смысложизненной рефлексии в XXI в. Этакое «кипенье в действии пустом», надежду «на авось», а также известный с детства сказочный лейтмотив «пойди туда – не знаю куда, принеси то – неведомо что...» следует осознать как неполноценные жизненные стратегии. Отталкиваясь от пафоса заключений В.И. Вернадского о том, что мысль есть сила и ничто не остановит ее [Вернадский 1991], подчеркнем, что смысложизненная рефлексия содержит в себе потенциал перестройки всех поведенческих выборов и совместных действий людей. При этом хотелось бы, чтобы преобладал вектор созидания с ориентацией на высокие идеалы и подлинные человеческие ценности.

С. К.: А чем, на Ваш взгляд, руководствуется наш современник, размышляя о смысле жизни?

Т. Л.: Действительно, следует ли подчинить жизнь достижению конкретной цели или просто жить, воспринимая жизненный процесс имманентно наделенным смыслом; искать ли ситуативные смыслы происходящих событий либо стремиться к постоянному получению удовольствий? В пространстве повседневности с точки зрения обывателя смысложизненные искания обусловлены интерпретацией жизненных коллизий, «биографическим разрешением системных противоречий», абсолютизацией вещистских устремлений, а иногда и просто желанием выжить. Заметим, что современные философы дали полное опровержение потребительскому набору «социальных образов», указав на необходимость разграничения полноценной жизни и модуса существования. Существование, отождествляемое с ограничениями наличного бытия, может являть приниженное значение человеческой личности, низвести ее до модуса «частичного человека» (если иметь в виду экономический подход Маркса) или «твари дрожащей»

(если разворачивать драму смыслополагания Достоевского). Пространство существования, в отличие от полноценной жизни, не сопровождается рефлексией, целедостижение связано с принятием сложившихся условий, смыслополагание «кружится в воронке» обыденного и не поднимается на уровень подлинно человеческих идеалов, обращенных к самопониманию и самореализации.

С. К.: Совершенно очевидно, что точка зрения обывателя не может претендовать на самодостаточность, потому ею не стоит ограничиваться.

Т. Л.: Если предпринять обзор смысложизненных поисков в движении от обыденного мировосприятия к высотам философской рефлексии, то представляется значимой максима, выведенная Аристотелем. А именно – античная доктрина «золотой середины», указывающая на необходимость меры во всем, и вытекающие из нее добродетели как важнейшие личностные регулятивы жизненного пути человека.

Пространство философской рефлексии позволяет выделить и эстетический вектор смысложизненных исканий, который показывает значимость встречи с прекрасным, ценность совершенства, а также этический вектор, указывающий на недопустимость самонфляции и подчеркивающий значение базовых принципов морали. Русский философ Е.Н. Трубецкой противопоставлял смысл жизни как искомое всякого сознания «мучительным переживаниям мировой бессмыслицы существования» [Трубецкой 1994, 4]. Этическое измерение скреплено тем, что идеалы справедливости как «гермы» жизненного пути направляют смысложизненные поиски. С точки зрения аксиологического подхода смысложизненная рефлексия упирается в необходимость понять ценность собственной жизни и в стремление к «самовоплощенному существованию» (по выражению П. Рикера) [Рикер 2002]. Очень интересен телеологический аспект, связанный с целесообразностью и поднимающий вопросы: может ли смысложизненный выбор быть запрограммированным и существуют ли системы со встроенными конечными целями? На мой взгляд, имеет непреходящее значение вывод о том, что смысложизненная рефлексия «должна привносить и целевые, и ценностные ориентиры в многообразные жизненные коллизии, делать осознанным гуманный и качественный выбор индивида, наполнять жизненные практики цельностью духовного постижения подлинно человеческих проявлений» [Лешкевич 2015, 13].

С. К.: Пожалуй, так, хотя и этого мало. Необходима сверх того (а может, и главным образом) рефлексия духовности, если можно так выразиться, т.е. не только осмысление человеком своего места и назначения в мире, но и реальное его развитие, прежде всего – духовное. Это, по моему давнему убеждению, самая важная стратегическая задача современности. И это не только мое личное мнение – на это сегодня указывают многие, в том числе мои коллеги-философы [Философия в духовном... 2003].

Что означает «развиваться духовно»? Это означает совершенствование души как субстанции высших чувств: любви, дружелюбия, чувства священного, доверия, благоговения перед жизнью. От развития или деградации души зависит, будет человек человеком или станет гуманоидом или роботом-андроидом. Соответственно, и общество будет расцветать и гармонично эволюционировать, если его граждане развиваются внутренне.

Т. Л.: Именно! Необходимо совершенствование (или, точнее, самосовершенствование) каждой личности. Причем ценность совершенства следует связывать с базовыми ценностями и целями существования человека.

Вместе с тем существует немало взаимоисключающих подходов к проблеме смысла жизни. В этой связи следует упомянуть о правомерности трех, достаточно самостоятельных направлений смысложизненных поисков, отраженных в антологии о смысле жизни Оксфордского университета. Согласно Клемке, доминирующее место принадлежит парадигме теизма, ибо именно вера в Бога и божественный промысел делает состоятельным смысл человеческой жизни. Затем широкое распространение получают гуманистические искания вне доминирования теистической приверженности. В-третьих, приводятся коннотации данной проблемы в амплитуде от чувств, поисков и рефлексий конкретной личности и до масштаба человечества, универсума. Таким образом, ставятся вопросы, в чем смысл жизни всего человечества и каков смысл и план существования универсума [The Meaning... 2000].

С. К.: Позволю себе кое-что добавить. Если посмотреть обобщенно, то существуют три типа мироотношения. Они исходят из признания двух реальностей: земной и небесной, или материальной и сверхматериальной (эмпирической и трансцендентной). Соответственно, одни отрицают высшую реальность и видят весь смысл жизни в материальном бытии и материальной деятельности; другие отрицают земную жизнь и видят смысл в уходе

от нее, в своеобразном «дезертирстве» в мир потусторонний. Наконец, третьи – и я думаю, это оптимальный тип отношения к миру – стремятся жить на земле, в мире материальном, привнося в него дух реальности высшей, духовной, т.е. облагораживая мир материального бытия.

Т. Л.: А какова семантическая развертка этого третьего типа?

С. К.: Жить во благо развития других людей. Если первый тип мироотношения можно назвать материалистическим, а второй – спиритуалистическим, то этот третий – этическим или сакрально-нравственным. Он нацелен, прежде всего, на гармонизацию межчеловеческих отношений.

Т. Л.: Что ж, с этим можно согласиться. Но есть еще один важный аспект, о котором мы упоминали, – это привязанность проблемы смысложизненной рефлексии к ее носителю – субъекту и выявление типичных характеристик субъектности XXI в. Взгляд сквозь эту линзу высвечивает влияние обстоятельств социокультурного бытия инфоцентричного мира с порожденными им негативными эффектами. Прежде всего, это цифровая среда с привнесенными ею трансформациями, погружением в симулятивную субонтологию, диктующую инаковые способы обживания цифрового мира и донныне неизвестные жизненные практики. Человек, живущий в Сети, достаточно распространенный персонаж современного дигитального мира [Лешкевич 2019]. Вне собственного выбора и желания наши современники превращаются в потребителей информации. Пресс экономоцентричной эпохи, с одной стороны, и потеря мотивации – с другой, с еще большей силой обнажают бессмысленность существования. Идеология дауншифтинга, усталость от ритма жизни, профессиональное выгорание, рынок фриланс-услуг, бродяжничество как форма маргинального поведения дополняются потребностью эскапизма – стремлением к побегу в иную реальность, компенсирующую жесткую повседневность. В современной ситуации индивидуальное бытие как «незавершенный проект», своеобразное кочевничество и состояние постоянного транзита также амбивалентно может сосуществовать с жизненным сценарием рутинного однообразия. Но как в том, так и в другом случае жизнеосмысляющий слой утончается.

С. К.: Это очень мрачный диагноз современности. В этом неопишемом «калейдоскопе временных перспектив» как найти себя, как определиться со смысложизненными устремлениями? Правомерно ли пассивное примирение с настоящим или должно

настаивать на устремленности к подлинной нравственности, альтруистичности и мудрости?

Т. Л.: Обратим внимание на то, что сам концепт «смысл» предполагает жизнь «с мыслью», т.е. мыслью сопровождаемую. Смысл человеческой жизни согласуется с внутренними устремлениями, с предназначением человека, он не может быть принудительно навязан. Загадка человеческого предназначения – это скрытая пружина смысложизненного поиска. И хотя социологи всерьез предлагают ввести индекс «общего благополучия», понятно, что уникальность собственной жизни не может быть сведена ни к набору потребительских благ, ни к получению выгоды. Здесь главным является стремление к самореализации и самовоплощенное существование.

С. К.: Однако, если сегодня дать всем нам «благоприятные условия», сплошной комфорт, мы быстро «уснем». И, к сожалению, именно к этому и идет дело в современную эпоху, когда бытовые блага становятся уже чрезмерными, подавляющими энергию самостоятельного человеческого творчества и естественную тягу к труду. «Зачем я должен что-то делать?» – вопрошает индивид, избалованный комфортом, и это бросает вызов нашей цивилизации и философии [Nebel 2019]. Тем не менее можно ли игнорировать те обстоятельства, которые предлагает эпоха и которые во многом детерминируют мироотношение современников, хотим мы того или нет?

Т. Л.: Примечательны выводы Баумана – автора известной книги «Индивидуализированное общество», критикующего современность за торговлю «жизненными смыслами», подчеркивая, что спрос на них «никогда не исчезнет» [Бауман 2005, 14]. Фиксируется ценность карьерного роста, стремление выгодно предложить себя рынку, нарастить «социальные мускулы», «выжать из ситуации» все возможное. Человек оказывается в «центре временных перспектив», он вынужден вписываться в любые предложенные обстоятельства, вне всякой зависимости от степени их разумности и чувства собственного достоинства. Довлеющим становится переживание несамодостаточности и неспособности организовать жизнь вокруг себя – все это вряд ли отвечает подлинному смыслу человеческого существования.

С. К.: А если такому положению противопоставить предложенную Тойнби логику, связывающую «вызов – стимул – ответ»? Тогда вызов будет стимулировать поиски ответа, т.е. своеобразный

рост и развитие, стремление к новому состоянию. Его отсутствие, т.е. «всеобщее благоденствие», означать потерю движущей силы, а следовательно, потерю энергии роста.

Т. Л.: Безусловно, вывод Тойнби интересен еще и тем, что формулу «вызов – стимул – ответ» он иллюстрирует испытаниями, которые выпали на долю России (имея в виду давление и вызов монголо-татарского нашествия, породившего, по мнению Тойнби, созидательный ответ [Тойнби 1991, 114]). Однако, на мой взгляд, помимо предложенной «формулы», вопрос о том, чем же обусловлен смысложизненный выбор, может быть связан с моделью «детерминации будущим». Коль скоро смысложизненный поиск глубоко породнен с предназначением человека, постижение которого выходит за грани рационального, то образ желаемого будущего оказывает существенное детерминирующее воздействие, иницируя энергию целеориентиров. Иными словами, регуляция выборов в настоящем обусловлена проектом будущего, она осуществляется «под доктрину будущего». И чем детальнее прорисовываются конфигурации программности будущего, тем более рельефно опредмечивается смысложизненная рефлексия, ведущая к оформлению поведенческих стратегий в настоящем.

С. К.: Но не стоит упускать из виду, что будущее – это «великое X» в нашей жизни. Поэтому детерминация будущим должна быть дополнена открытостью ему. И эта детерминация будущим взывает к действенности нашего продуктивного воображения [Dorstewitz 2016].

Т. Л.: А если привлечь методологию синергетики, то картина приобретает весьма рациональный вид с точки зрения постнеклассической парадигмы. Образ желаемого будущего как значимая цель выступает в роли аттрактора, притягивающего в сферу своего влияния многообразные стохастические элементы. Цель-аттрактор подчиняет и трансформирует все промежуточные состояния, запуская механизм их самопреобразования. Вследствие чего несвязанные ранее элементы, вовлеченные в поле аттрактивного притяжения, вступают в системно-структурное взаимодействие. Проецируя постнеклассическую методологию на обсуждаемую проблему смысложизненного поиска, важно решить вопрос, что может выступать в значении сильного аттрактора, т.е. цели, структурирующей и задающей поведенческие паттерны. На наш взгляд, такую миссию может выполнить либо сильная доктрина той или иной державы, либо совокупность принципов

и идеалов харизматичной личности. Метафорически выражаясь, цель-аттрактор, имея огромную «гравитационную силу», непосредственно влияет на процесс целедостижения. Подчеркну, что выводы, предлагаемые синергетикой, сопрягаются с деятельностным измерением смысложизненных поисков, они указывают на «поля активности», на жизненную энергию индивидов, на их способность объективировать и воплощать поставленные цели.

С. К.: Методологический язык синергетики весьма мудрен, хотя и обладает эвристической силой. Ведь проблема смысложизненных поисков и ориентиров касается не только интеллектуалов, но и всех людей. С современником следует разговаривать на понятном ему языке, исходя из обстоятельств и коллизий его существования, анализируя события, планы и намерения индивида.

Т. Л.: На мой взгляд, популярность проблемы смысла жизни не отменяет ее глубинный философско-методологический анализ. Хочу обратить особое внимание на значимый вывод об амбивалентности смысложизненных ориентиров. Одна система координат указывает на их внедренность в жизненный процесс и слитость с ним. Другая – предписывает выход за границы заданных обстоятельств, предлагает поход в сферу трансцендентного с абсолютами истины, добра, красоты. На одной чаше весов находится некое пассивное погружение в глубины духовного опыта и пребывание в пространстве субъективной реальности. На другой – энергия предметно-практической деятельности, направленной на воплощение значимой цели. Поскольку смысложизненный поиск не есть логоцентристское мероприятие, связанное с теми или иными индексами и формулировками, то в поле зрения попадает аспект, предполагающий учет неосознаваемых устремлений, которые проявляются на уровне предчувствия собственного предназначения.

С. К.: Действительно, амбивалентность в смысложизненной рефлексии явно присутствует: смысл понимается либо как условие жизни (обретение удобства), либо как высшая цель, задача саморазвития человека. Налицо противоречие эмпирического и трансцендентного уровней бытия. Ну а в идеале они должны быть приведены в гармонию (как именно – вопрос особый).

Т. Л.: Обращу внимание, что в контексте рассматриваемой проблемы человек может быть понят и как смыслоизвлекающее, и как смыслопорождающее существо. В последней ипостаси он конституирует смысл собственной жизни как проектируемое свойство,

сообразное жизненным планам и осуществляемым выборам. Но как смыслоизвлекающее существо он ищет смысл, полагая его как эссенциальное, т.е. сущностное, проявление собственной жизни. Таким образом, мы вновь приходим к утверждению, что смысл жизни в том, чтобы жить! А если обратиться к Канту, который доказывал, что способность желания укоренена в самой жизни, и что есть некая тождественность способности желания и жизни, то придем к выводу: смысл жизни в том, чтобы жить с желанием! Иными словами, предварительный вывод гласит: концепт «смысл жизни» указывает на энергично заряженный источник человеческой деятельности, направляющий к самовоплощенному существованию, реализующему меру собственного участия в «обустройстве» бытия.

С. К.: Да, многие исследователи, склонные к опровержению потребительской повседневности, отмечают нехватку трансцендентного измерения жизни. Именно трансценденция, выход за пределы эмпирического существования, и есть то, что возвышает человека, делает его собственно человеком, а не машиной потребления. Замечу, что Казахстан стремится делать конкретные шаги в направлении возвышения достоинства человека, его духовного начала. В республике разрабатываются и постепенно реализуются большие проекты, имеющие целью именно развитие человеческого в человеке. К таким проектам относятся: идея единой нации, общества всеобщего труда, духовно-образовательная программа «Самопознание», идея модернизации общественного сознания и духовного возрождения и др.

Т. Л.: Можно вспомнить и основную тематику прошедшего Всемирного философского конгресса: «Учиться быть человеком», направленную на то, чтобы сориентировать и поддержать индивида в его гуманитарных поисках, ведь стремление к обладанию – одна из самых пагубных ловушек для человека. У французского мыслителя П. Рикера, например, можно найти примечательный вывод относительно того, что «нашими практиками» управляет (осознает это субъект или нет) именно симпатия и связанные с ней гостеприимство, дружелюбие, взаимность, великодушие, бескорыстие и, конечно же, признание, любовь, милосердие и «дароприношение» – все это образует нечто вроде социальных каналов, по которым идет смыслообразование в частной жизни [Рикер 2002, 130]. Такие выводы создают образ очеловеченного

мира в противовес осуществляемому «в слепую» технологическому повороту с перспективой постчеловеческого будущего.

С. К.: Да, это очень интересные идеи. Они, как мне кажется, имеют хорошие перспективы, если акцентировать необходимость более глубокого изучения феноменологии человеческой чувственности. В философии ее порой принижали, однако сегодня все чаще ей отводится надлежащее место. «Человек не может восходить к мировому только в мыслях, – пишет, например, Михаил Эпштейн, – и оставаться данником сиюминутного, бытового в своих чувствах и поступках...» [Эпштейн 2014, 175]. А если нам обратиться к историко-философским подсказкам и решениям?

Т. Л.: Здесь, на мой взгляд, следует иметь в виду выводы восточной философии и, в частности, весьма лаконичные наставления: «люби семью», «люби людей», «люби все твари». Они весьма образно дополняют уже упомянутую античную «доктрину золотой середины».

С. К.: Мне, честно говоря, не очень по душе идея о мере именно как об умеренности и усредненности. Конечно, такая позиция имеет свои основания; более того, она позволила великому мыслителю создать великое учение (ведь оно все построено у Аристотеля на идее меры, середины, включая и теорию силлогизма, и теорию государства), но она, как мне представляется, объективно затрудняет выход к новому, к творческому поиску и созиданию, к «прерыву постепенности» и новым мерам. Хотя, разумеется, нарушать меру в смысле нарушения гармонии непозволительно.

Как появляется эта новая мера? Не всегда так, что одна «серединка», т.е. стройная целостность, соединяется с другой или мирно уступает ей место. Скорее, часть назревает внутри целого и, отбрасывая или превосходя старое целое, создает новое. Говоря иначе, в фундаментальном казахстанском исследовании по диалектической логике справедливо указывалось: «К прежним представлениям, берущим за основание количественно-объемные критерии (например, “целое больше суммы частей” и т.д.), диалектика вносит положение, коренным образом изменяющее их содержание: в составе целого есть всегда некая часть, которая, по сути, равна целому» [Абишев 1987, 250].

Т. Л.: Возражу: доктрина Аристотеля полна значимых практических рекомендаций. Актуален его практический совет на все времена – указание отойти от крайностей, а если крайность обнаружена, увлечь себя в противоположном направлении. Важна и

другая рекомендация Аристотеля: «Три вещи мы избираем и трех избегаем, первые три – это прекрасное, полезное и доставляющее удовольствие, а вторые, противоположные этому, – постыдное, вредное, доставляющее страдание» [Аристотель 1983, 82]. Таким образом, выбор образа жизни непосредственно связан с осмыслением ценностных характеристик бытия. И не капризы слепого рока, а личный выбор человека, основывающийся на добродетелях, определяет его судьбу. Аристотель утверждает: быть добродетельным – это великая цель сама по себе, имманентная жизни. Добро совершается ради самого добра, и это относится и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Недостаток, как и избыток, губят добродетель. Согласитесь, эти размышления Стагирита важны для жизнеориентирования в современной ситуации, когда возросшая степень неопределенности и рисков обнажает всю глубину экзистенциальных проблем. Когда контроль над собственной жизнью утерян, а стрессы и потеря мотивации декларируют ее бессмысленность, усиливая потребность побега в иное смысловое пространство.

С. К.: Думаю, не только или не столько «побега», сколько трансцендирования, превосхождения наличной действительности. В этом процессе надо видеть как негативные, так и позитивные стороны. Ибо ломать ситуацию насильственными средствами значит порождать новые жгучие проблемы, нестабильность и даже анархию. Между тем, вероятно, лучше строить новое параллельно старому, которое рано или поздно рухнет без агрессивного вмешательства человека. В этом отношении может быть полезен и опыт ухода, например, во временное монашество, где есть возможность уклониться от суеты, соблазнов внешнего мира и глубже осмыслить свою жизнь, свои проблемы и свое призвание.

Т. Л.: Осмысление необходимо, но не думаю, что «опыт ухода» есть решение проблемы. При таком сценарии смысложизненный поиск приобретает интровертную направленность, вовлеченность индивида в обстоятельства внешнего характера подменяется гармонизацией мира внутреннего, что, возможно, генерирует чувство смирения.

С. К.: Во многом соглашусь, но кое-что хотел бы уточнить. Многие намерены существовать, не беря в расчет существующих системных правил конъюнктуры, давления современных цивилизационных норм. Не желая быть «ни винтиками, ни борцами», они устремлены к реализации своей индивидуальности. При

этом перевод жизни из омута безликой коллективности в русло личностного бытия дарит человеку уединенность и интимность, которых он лишен среди социальной маеты; но он оставляет его один на один с непривычным, слишком огромным для него миром, в котором он ощущает себя заброшенным и беспомощным. «Человек индивидуальный», «интериоризованный» живет уже в двух измерениях, которые, однако, противоречат друг другу. Его бытие разорвано и раздвоено так же, как его сознание. Его внутреннее пространство заполнено бездной невиданных и прекрасных миров, созданных его воображением, но внешняя его жизнь – обывательская и рутинная. В служебное время он исправный член общества, а на досуге – вольное существо, живущее по собственным законам. Он хочет быть один, но его тянет к людям; он жаждет общаться, но ему не меньше необходимо уединение. В своем сознании он живет космосом и, так сказать, дышит воздухом неба, но не может не чувствовать себя несчастным, понимая всю грубость, бремя и брэнность своего здешнего существования. Он стремится взлететь к звездам, но его опутывают и не пускают тернии; он смотрит вверх, поднимается ввысь и с высоты объемлет взглядом всю вселенную, но вдруг, стремительно снизившись, спотыкается о земные камни. Его раздвоенная натура сказывается на каждом шагу: желание жить по-человечески и стремление к полноте бытия наталкиваются на неумение этого достичь. Порывы к добру и красоте парадоксально сочетаются в нем с безумствами, неблагоприятными поступками, с пьяной и исковерканной жизнью. Так что уход в спокойную гавань уединения нередко оказывается иллюзорным спасением от общественных проблем, поскольку тотчас оборачивается одиночеством. А одиночество, в свою очередь, порождает неодолимую тягу к людям.

Т. Л.: Прекрасно схвачена амбивалентность поиска личного смысла, который часто разворачивается в секущей плоскости осознания и переживания. Нуждается ли смысложизненный поиск в выговоренности и «тяжелой работе думания»? Думаю, да, но это отдельный вопрос. Я более чем уверена, что суть его в самовоплощенном существовании человека, причем здесь значимо валеологическое измерение, ибо «в здоровом теле здоровый дух!».

Но если перейти от драм индивидуального поиска смысложизненных ориентиров к цивилизационному измерению, то на переднем плане окажутся потребности организации справедливого миропорядка с отсутствием принуждения и насилия, уменьшение

социальной энтропии, создание возможностей для развития и реализации личностных способностей.

С. К.: Тут, по-моему, нужна одна оговорка. Мне всегда казалась немного странной идея «устойчивого развития». Ее пафос понятен, но вот насколько она корректна с логической, философской точки зрения? Ведь развитие предполагает постоянный отбор, отбрасывание ненужного, отжившего (или кажущегося таковым) и, соответственно, постоянные качественные изменения. Вряд ли они возможны на пути одной лишь эволюции, одних лишь реформ и т.п. Поэтому еще раз подчеркну: новое необходимо строить параллельно старому, только тогда снимаются крайности революционаризма и ползучего эволюционизма. (Ну вот, только что возражал Аристотелю, а теперь и сам говорю о необходимости меры – именно как «середины». Впрочем, середину можно понять и как третий путь, новый, не сводимый к прежним вариантам развития.)

Т. Л.: Это очень любопытный поворот темы, тем более в период «исторического после» столетия революции. Мне, например, по сердцу путь малых, поступенных преобразований, о которых говорил еще А. Богданов в «Тектологии» [Богданов 1989]. Это же касается и проблемы самореализации, сопровождаемой смысложизненной рефлексией. Действия нашего современника как агента и представителя мирового миропорядка с необходимостью должны основываться не на стремлении к реализации эгоистических амбиций и максимизации выгоды, а на моральном законе. Стремительный XXI век никак не отменяет потребности в подлинно человеческих ценностях, в возобладании разума и подтверждении того, что человек есть поистине *Homo sapiens*. Сохранить человеческое в человеке – это не только альтернатива посттехнологической цивилизации, это еще и концептуальное основание смысложизненного поиска в наследии русской философской мысли. Триединство Истины, Добра и Красоты обозначает цивилизационный код России и константный регулятив ценностно-смысловой сферы существования.

С. К.: Отмечу, что это также и цивилизационный код Казахстана. Традиционная философия в Казахстане относится к тому типу мировоззрения, который всегда акцентировал отношение человека к другому человеку, иначе говоря, проблему духовно-практическую. Квинтэссенция этой философии представлена в

Казахстане крупнейшим просветителем и основоположником современного казахского языка и литературы Абаем Кунанбаевым и продолжателем его дела Шакаримом Кудайбердиевым. Главная мысль Абая выражена в его призыве «Адам бол!» («Будь человеком!») и в понятии «нұрлы ақыл» – «озаренный, светлый разум» [Абай 1993, 31]. Под этим подразумевается разум, мыслящий позитивно и олицетворяющий высшие нравственные принципы.

Что касается Шакарима, то именно с него начинается в Казахстане серьезное, можно сказать, профессиональное обращение к истории философии. Ведь без этого философия оказывается не более чем дилетантским занятием. Системообразующим принципом философии Шакарима выступает понятие *совестливого разума*, содержательно тождественное *нұрлы ақыл* Абая. Казахский мыслитель ясно сознает особенности разума в сопоставлении с душой: разум как таковой не является гарантом его нравственного и социально-этического применения. «Просвещенные умы, – пишет он в “Записках Забытого”, – владеют тайнами ремесел, их возможности неограниченны. Но где, в каком деле используют они свои знания? Насколько я знаю, с помощью науки люди научились делать смертоносные орудия, нашли ядовитые газы, истребляют друг друга, как диких зверей, сильные превратили слабых в рабов, вся планета обогрета человеческой кровью» [Шакарим 1993, 100]. Объединяя разум, сознание, с одной стороны, и совесть, душу, одухотворенность – с другой, Шакарим уделяет пристальное внимание феномену души. Он уверен в необходимости дополнить разум этичностью, одухотворить его, органично соединив с началами души. Стремление гармонизировать разум и душу, воплотив это и в теории, и на практике, составляет суть его идейной программы.

Т. Л.: Сходство русской и казахской общественной мысли знаменательно и весьма перспективно. Современности так не хватает именно *совестливого разума*, который указывает на самые высокие приоритеты в выборе траекторий последующего развития. Несмотря на современную геополитическую обстановку, вызовы и угрозы терроризма, «правила участия» в жизнеспособном человеческом будущем должны быть определены принятием системы гуманистических ценностно-целевых ориентиров.

С. К.: Да, по-настоящему двигаться вперед можно только вместе, основываясь на принципах сотрудничества и интеграции. Тогда выявляются и новые вдохновляющие смыслы. Будем надеяться, что жизнеспособное будущее не за горами, и станем совместно работать над его приближением.

Нашим странам – по пути друг с другом!

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абай 1993 – *Абай*. Книга слов // *Абай*. Книга слов. *Шакарим*. Записки Забытого. – Алма-Ата: Ел, 1993. С. 8–90.

Абишев 1987 – *Абишев К.А.* Целое и часть // Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. – Алма-Ата: Наука, 1987. С. 242–273.

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005.

Богданов 1989 – *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. – М.: Экономика, 1989.

Вернадский 1991 – *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991.

Касымжанов 2001 – *Касымжанов А.Х.* Единство глубинного знания, или концепция единства бытия // *Касымжанов А.Х.* Пространство и время великих традиций. – Алматы: Казак университети, 2001.

Философия в духовном... 2003 – Философия в духовном развитии человека / ред. А.Г. Косиченко. – Алматы: Институт философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, 2003.

Лешкевич 2015 – *Лешкевич Т.Г.* Амбивалентность смысложизненной рефлексии: российский контекст // Научная мысль Кавказа. 2015. № 4. С. 12–18.

Лешкевич 2019 – *Лешкевич Т.Г.* Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 103–109.

Малявин 2015 – *Малявин В.* Евразия и всемирность. – М.: РИПОЛ классик, 2015.

Рикер 2002 – *Рикер П.* История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002.

Тойнби 1991 – *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.

Трубецкой 1994 – *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. – М.: Республика, 1994.

Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1991.

Шакарим 1993 – *Шакарим.* Записки Забытого // *Абай.* Книга слов. *Шакарим.* Записки Забытого. – Алма-Ата: Ел, 1993. С. 97–118.

Эпштейн 2014 – *Эпштейн М.* О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–175.

Dorstewitz 2016 – *Dorstewitz P.* Imagination in Action // *Metaphilosophy.* 2016. Vol. 47. No. 3. P. 385–405.

The Meaning... 2000 – *The Meaning of Life / ed. by E.D. Klemke.* – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Nebel 2019 – *Nebel J.* Normative Reasons as Reasons Why We Ought // *Mind.* 2019. Vol. 128. No. 510. P. 459–484.

REFERENCES

Abai (1993) Book of Words. In: Abai. *Book of Words.* Shakarim. *The Notes of the Forgotten* (pp. 8–90). Alma-Ata: El (in Russian).

Abishev K. (1987) Whole and Part. In: *Dialectical Logic: Categories of the Sphere of Essence and Wholeness* (pp. 242–273). Alma-Ata: Nauka (in Russian).

Bauman Z. (2001) *The Individualized Society* (Russian translation: Moscow: Logos, 2005).

Bogdanov A.A. (1989) *Tectology. General Organizational Science. In 2 Vols.* Moscow: Ekonomika (in Russian).

Chaadaev P.Y. (1991) *Complete Works and Selected Letters. In 2 Vols* (vol. 1). Moscow: Nauka (in Russian).

Dorstewitz P. (2016) Imagination in Action. *Metaphilosophy.* Vol. 47, no. 3, pp. 385–405.

Epstein M. (2014) On the Philosophical Feelings and Actions. In: *Voprosy filosofii.* 2014. No. 7, pp. 167–175 (in Russian).

Kasymzhanov A.K. (2001) The Unity of Deep Knowledge, or Conception of the Unity of Being. In: Kasymzhanov A.K. *Space and Time of Great Traditions.* Almaty: Kazakh University, 2001 (in Russian).

Klemke E.D. (Ed.) *The Meaning of Life* (2nd ed.) Oxford: Oxford University Press.

Kosichenko A.G. (Ed.) (2003) *Philosophy in Spiritual Development of Man.* Almaty: Institute for Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (in Russian).

Leshkevich T.G. (2015) Ambivalence of Meaning-Life Reflection: The Russian Context. *Nauchnaya zhizn' Kazvkaza*. 2015. No. 4, pp. 12–18 (in Russian).

Leshkevich T.G. (2019) Digital Transformations of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 439, pp. 103–109 (in Russian).

Malyavin V. (2015) *Eurasia and World*. Moscow: Ripol Classic (in Russian).

Nebel J. (2019) Normative Reasons as Reasons Why We Ought. *Mind*. Vol. 128, no. 510, pp. 459–484.

Ricœur P. (2002) *History and Truth*. Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Shakarim (1993) The Notes of Forgotten. In: Abai. *Book of Words*. Shakarim. *The Notes of the Forgotten* (pp. 97–118). Alma-Ata: EI (in Russian).

Toynbee A.J. (1991) *A Study of History*. Moscow: Progress (Russian translation).

Trubetskoy E.N. (1994) *Meaning of Life*. Moscow: Respublika (in Russian).

Vernadsky V.I. (1991) *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka (in Russian).